

В.И. Россман

ПЛАТОН В ЗАЗЕРКАЛЬЕ РУССКОЙ ИДЕИ

Платон и Аристотель! Не просто две системы, а два особых человеческих вида, с незапамятных времён враждебные друг другу. Со времён средневековья и до сегодняшнего дня эта битва продолжается...

(Генрих Гейне)

Советская власть держится только благодаря платоническим воззрениям русского народа...

(Алексей Лосев¹)

В данной статье речь пойдёт о тех особенных элементах русской духовной осанки, которые послужили основой представлений об особой Русской Идее. Русская уникальная идентичность обычно представляется как некая сложная комбинация её важнейших ингредиентов – болгарско-греческого алфавита, византийского православия, скандинавских истоков и монгольской структуры государственного администрирования, немецкой организации университетов и научного языка, французских эстетических идеалов, еврейской литературоцентричности и идеи избранности и римской мечты о вселенской государственной миссии. Однако чаще всего уникальность русской истории связывается с её особой религиозной миссией ("спасение мира") и представляется как сложная функция византийского православия. Некоторые мистически настроенные православные клерики даже усматривают прямые параллели между Евангелиями и русской историей: она якобы воспроизводит даже в некоторых деталях житие Иисуса Христа. В данной статье будет сделана попытка обнаружить более древние и глубокие источники Русской Идеи. Речь, в частности, пойдёт о некоторых параллелях между фрагментами русской духовной конституции, которые нашли своё воплощение в русской истории, и пассажами из диалогов Платона. Нам представляется, что философская, точнее плато-

¹ "А.Ф.Лосев в рецензиях ОГПУ" // Источник. Документы русской истории, 1996, № 4, с.124.

ническая, перспектива позволит более точно и органично по сравнению с альтернативными концепциями описать русский интеллектуальный и политический ландшафт.

Полемически огрубляя реальные контуры проблемы, можно сказать, что если судьбой России стал Платон, то судьбой Запада стал Аристотель. На Западе учение Платона, безусловно, тоже играло самую значительную роль, но в конце концов жизнь здесь стали строить не по Платону, а по Аристотелю. Фома Аквинский включил Стагирита в христианский канон и сохранил его там своим авторитетом, несмотря на периодические протесты тайного платонического лобби. Во многом благодаря этому религиозному освящению, Аристотелю удалось подготовить все великие эпохи социальной и политической трансформации в Европе – Возрождение, Реформацию и эпоху Просвещения.

Не случайно европейский Ренессанс начинается именно в тот момент, когда семиты вновь открывают для европейцев наследие Аристотеля. В этом смысле можно сказать, что Ренессанс начался не в Италии, а уже в Кордове и в арабской Андалусии, откуда аристотелизм постепенно проникает на европейский континент. Недостаточно оценен и вклад Стагирита в европейскую научную революцию. Подъем новоевропейской науки в значительной степени был связан с возрождением именно аристотелевских стандартов и методов строгого логического мышления. Именно его идеалы доказательности и его интерес к эмпирическим наблюдениям вдохновляли многих новоевропейских учёных. Поэтому Аристотель более фундаментален для понимания судьбы Запада, в том числе и капитализма, чем протестантизм. Политические реформаторы эпохи Просвещения во Франции и отцы-основатели в Америке ссылались именно на его политические заветы, которые из глубины веков предвосхитили буржуазную республику. Если атомная бомба взорвалась уже в поэмах Парменида, то конец средневековья и расцвет буржуазности уже закодированы в сочинениях Стагирита.

Восточная церковь, в противоположность Западной, успешно сопротивлялась аристотелевскому соблазну. Византийская теология строилась на святоотеческой традиции (патристике) и на трудах более поздних христианских богословов-платоников,

Дионисия Ареопагита и Иоанна Дамаскина. Именно эти труды стали первыми образчиками философской мысли, доступными в России. Не случайно в трудах русских философов серебряного века – от Соловьёва и Флоренского до Булгакова и Лосева – нетрудно узнать слегка модифицированные неоплатонические концепции. Особенно это очевидно в софиологии, которая стала краеугольным камнем самобытного русского философствования. Вряд ли случайно и то, что главным и кардинальным языком русской поэзии Серебряного века стал символизм, который можно назвать чистым поэтическим выражением платонизма. Особенно это относится к младшим символистам, которые были сознательными соловьёвцами и платониками, провозглашающими, что в мире явлений есть некие элементы абсолютного мира.² Платонизм также занял ключевые позиции в русской и особенно в советской классической литературе, о чём речь пойдёт ниже.

В России платонизм, впрочем, проник гораздо глубже чисто религиозной и литературно-идеологической областей. Не будет большим преувеличением утверждать, что он превратился в русское бессознательное, – можно даже сказать, вслед за евразийцами, бытовое, – вероисповедание. Так неоплатонизм вышел за пределы сферы идеологии и оказался воплощённым в самой структуре русского общества и государства. В наиболее чистом виде это обнаруживается в сталинском СССР. Понимание ступеней "Небесной Иерархии" Дионисия Ареопагита проливает новый свет на политическую феноменологию Советской России. Нетрудно заметить вполне очевидные параллели между ступенями Дионисия и политической онтологией сталинского Советского Союза. Категория Родины соответствует неоплатоновскому Единому ("Умом Россию не понять"). Сам Сталин – это Логос или Нус. Партия – София или Мировая Душа. Тому, что Дионисий называет ангелическим миром, соответствует советская Партократия (мир серафимов и херувимов). Его

² С точки зрения символистов символ есть потребность эйдоса выразить себя в ином. Символизм стал в России не одной из поэтических школ наряду с другими, но выразил магистральное национальное поэтическое направление подобно импрессионизму во Франции и экспрессионизму в Германии.

архангелы находят свою аналогию в рядовых членах партии. Советский народ воплощает ангелов. За пределами этой трансформированной небесной иерархии Псевдо-Диониса идёт падший (отпавший) и загнивающий мир материи, стран Запада, который только в той мере приобщён к благодати, в которой флюиды и эманации благодатной российско-коммунистической идеологии достигают его. Эманации эти имеют две формы, физическую и духовную: экспорт революции и экспорт идеологии. В свете этих идей становится более понятным мистический смысл некоторых популярных советских лозунгов, казавшихся когда-то профанными (например, "Народ и партия едины"). Не случайно Фёдор Степун писал о том, что "марксизм в России стал большевистским неоплатонизмом".

Конечно, вряд ли можно говорить о том, что в России больше, чем в Западной Европе, штудировали труды Платона. Как уже было сказано, платонизм проникал в Россию в изобилии из религиозных византийских источников, где в силу ряда богословских причин вековечный философский спор между Платоном и Аристотелем инерционно разрешался в пользу первого.³ Тем не менее, следует подчеркнуть, что особое знакомство с текстами платоновских диалогов не является необходимым условием тезиса о платонической сердцевине Русской Идеи. Ведь для того, чтобы быть платоником, чтение этих диалогов требуется не более, чем знание литературных жанров для того, чтобы говорить прозой.

Возможно, разбор некоторых конкретных моментов совпадения магистральных идей Платона с кардинальными идеологическими конструкциями русской мысли позволит увидеть в новом свете причины мистического притяжения России к Платону,

³ Достаточно вспомнить только несколько имён важных византийских платоников, которые заложили основы воинствующей анти-аристотелевской традиции. Это Михаил Псел (1018-1078), Георгий Плеко (1355-1450), Василий Виссарион (1403-1472). Следует также добавить, что Аристотель был, по видимому, отчуждён от Византии среди прочего и враждой и военными столкновениями с мусульманским миром, где в философии господствовал Аристотель. О роли аристотелевской традиции в арабской культуре см. *Peters, F. Aristotle and the Arabs: the Aristotelian Tradition in Islam* (NY, London, 1968).

которое не исчерпывается чисто историческими причинами, и её бессознательного отталкивания от Аристотеля. Этот анализ позволит читателю увидеть, что тот круг мыслей и представлений, который обычно ассоциируется с Русской Идеей, был выпестован и взлелеян Платоном задолго до славянофилов.

Теория эйдосов и теория форм

По всеобщему признанию, центральная доктрина платонизма – это теория идей. В самой радикальной формулировке теория идей утверждает, что физические тела существуют только благодаря существованию соответствующих идей-эйдосов. Физические тела – только тени истинного эйдетического мира.

Другая известная идея Платона связана с противопоставлением тела и души. Тело, по Платону, – это темница души, нечто ей абсолютно инородное. Душа должна полностью контролировать чувства и противостоять им, так как они влекут её к материальному и низменному.

В духе этих двух платонических теорий русские противопоставили идею материи и даже попытались противопоставить себя всему материальному. Вопреки генеалогической схеме, намеченной Энгельсом, русские большевики были наследниками "линии Платона", а не "линии Демокрита" (в данной статье стоило бы говорить о "линии Дионисия" и "линии Фомы"). В ходе революции они сражались на стороне духа и идеи против всего материального: социальных классов, богатства, доминанции экономических интересов, чувственности, материальных привязанностей. По сути, материализм русских революционеров был очень поверхностным. В этом смысле гностический бунт против материи Октября 17-го стал квинтэссенцией всей русской истории. Платон так и не смог найти правителя в Греции, который попытался бы воплотить его идеалы. Советская Россия стала первой и единственной инкарнацией его проектов. Возможно, существует какая-то мистическая связь между датой октябрьского переворота и днём рождения Платона, который тоже пришёлся на 7 ноября. Именно эту дату рождения упоминает

флорентийский философ Марселио Фичино в своём комментарии к "Пиру".⁴

В противоположность Платону, Аристотель был более сдержан в оценке значимости идей. Он отменяет концепцию первичности идей и заменяет её на более сбалансированную концепцию их соотношения с вещами. Сама форма немыслима без тела также как тело немыслимо без формы. Идентичность вещи связана с обоими составляющими. Форма помещается не извне, а внутри самой вещи. Вещь стремится к её осуществлению.

Следуя той же линии, Аристотель также упразднил идею враждебности души и чувств. Чувственные влечения – это не нечто внешнее душе, как у Платона, это – свойства самой души, неразумной её части. Тело – друг души.

В мире Платона бал правит онтологический иерархизм и концепция степеней бытия. Идеи у Платона более реальны, чем люди (их он называет "куклами богов") и вещи. Идеи Платона не просто существуют: они являются высшей степенью бытия и нормативным стандартом для всех вещей и потому требуют "ритуальных жертвоприношений".⁵ В мире Аристотеля вопрос о первичности отодвинут на второй план. Здесь меньше места для кумиров, в результате чего его формы утрачивают кровожадность эйдосов.

Заметим в скобках, что сама концепция Русской Идеи имеет платоническое происхождение. Эта концепция полагает, что русский народ может существовать только благодаря существованию идеи "русскости". Иначе он теряет свою идентичность и определённость. Русская Идея первична по отношению к конкретным русским людям, их материальным и психологическим интересам.

⁴ Эта дата, впрочем, нуждается в уточнении. Фичино вероятно опирался на известный фрагмент в тексте Диогена Лаэртского (Diogenes Laertius, книга 3), единственный античный текст, где идёт речь о дате рождения Платона. Фичиновский перевод древней датировки (Thargelion 7) в современную, скорее всего, ошибочен. Современные комментаторы считают, что эта дата относится к одному из весенних месяцев.

⁵ Крупнейший американский исследователь античной философии Грегори Властос считает, что фатальной ошибкой платоновской теории эйдосов было введение концепции "степеней бытия" вместо разговора о "видах бытия".

Первичность мира идей определяет отношение и интерпретацию всех остальных сфер: политики, морали, искусства, науки, эроса, логики ...

Платоновская диалектика и аристотелевская логика

Платон полагал, что мудрецу логика особенно не нужна, так как он схватывает идеи вещей интуитивно, через особого рода наитие. Мудрецам даже нет необходимости выдвигать гипотезы ("Государство", 511в). Им доступно непосредственное знание, умозрение. В мире Платона истинное знание визуально и целостно. Поэтому к нему не так просто прийти цепочкой drobных косвенных умозаключений. На помощь мудрецам приходит диалектика, которая позволяет им схватывать идеи на лету и без лишних формальностей. Аристотель же противопоставил божественной диалектике прозаическую и даже мещанскую науку логики. Вместо интуиции и вдохновения Аристотель заговорил о формальных свойствах истинности, методике познания, типах силлогизмов и правильных аргументах. Примечательно, что аристотелева логика впервые попала в Россию поздно и контрабандой. Её в пересказе Моисея Маймонида (сочинение "Шмот га-гигайон" – "Слова логики") принесли в Россию "жидовствующие" только в XV веке.

В соответствии с линией Платона, русское сознание очаровано диалектикой. Не случайно русские философы неизменно отдают ей предпочтение, будь она представлена в платоновской или гегелевской формулировке. Вместе с Платоном ревнители Русской Идеи полагают, что истинное познание – познание платоновского типа, то есть визуальное и интуитивное, а не логическое.

Интересно также отметить, что Аристотель гораздо более благосклонно по сравнению с Платоном относился к роли личного наблюдения в системе аргументации и даже в некоторых случаях предпочитал эмпирические наблюдения абстрактным аргументам. Эта особенность его эпистемологии, которая, несомненно, была связана с его собственными занятиями как систематика-классификатора и учёного-биолога, наверняка сослужи-

ла свою службу в период возникновения новоевропейской науки.⁶

Государство versus политея

Обратимся к политике Платона и Аристотеля. В "Государстве" Платон разделяет всех граждан на три категории. Во главе государства находятся философы-цари, вооружённые правильной идеологией и абсолютным знанием. За ними следуют воины-стражи, призванные обеспечить безопасность граждан. После них идут ремесленники и торговцы. Нетрудно заметить, что пирамида власти Платона – это перевёрнутая пирамида власти западного общества. Здесь на вершине пирамиды располагаются торговцы (генеральные директора крупнейших корпораций); за ними следуют ремесленники (включая инженеров и программистов, автомехаников и бухгалтеров); за ними военные, и уже потом, в поддонных слоях общества, располагаются философы-цари и прочие гуманитарии. В противоположность западной пирамиде власти русская иерархия сохраняет верность платоновской идее идеократии и воспроизводит платонову пирамиду в причудливых модификациях. Даже современный русский либерализм пытается соблазнить народ не возможностью удовлетворения его скудных потребностей, а самой лучшей философией. Не случайно Зюганов и Жириновский, окликнутые Русской Идеей (а следовательно Платоном), сочли необходимым получить докторские степени по философии.

Политику от имени интересов граждан – причём не объективных, как у Платона, а субъективных – защищает Аристотель. Аристотеля принято считать идеологом аристократии. Так известный немецкий историк античности Теодор Моммзен назы-

⁶ В некоторых стандартных историях науки Аристотель ошибочно представляется чуть ли не как "учёный-вредитель" наряду с Птолемеем, а его система рассматривается как тормоз в развитии современной науки. Некоторые авторы даже говорят о его якобы враждебном отношении к эмпирическим наблюдениям, в то время как в действительности Стагирит сыграл поистине революционную роль в утверждении эмпирических методов в античной науке.

вает "Никомахову этику" "морально-политическим катехизисом аристократии". Действительно, Аристотель идеологически обосновывает рабство и считает профессионализм чем-то недостойным человека "по праву гордого". Тем не менее, в его политике, а не только в мелкобуржуазном происхождении (он был сыном придворного лекаря), очень много такого, что классики марксизма связывали с мелкобуржуазностью. Чего стоит, например, его любовь к компромиссам. Не случайно ранние идеологи буржуазии – Руссо, Милль, Монтескье и Токвиль – сочли необходимым возродить многие его идеи. Некоторые современные либералы-республиканцы, такие как Ханна Арендт и Чарлз Тайлор, опирались в своих построениях на Аристотеля больше, чем на самих отцов западного либерализма.

Аристотель считает необходимым утверждение "среднего класса" и личное участие граждан в принятии решений и в управлении государством. Для своего идеального строя – политеи – он практически заимствует формулу античных демократов – "управлять и быть управляемым", – внося в неё лишь незначительные поправки. Такой тип управления должен учитывать не только объективные интересы подданных (как, скажем, воспитание детей в семье), но и их субъективные интересы, ибо речь идёт об управлении свободными людьми. В противоположность Платону, он рассматривает граждан не с "функциональной" точки зрения, а с точки зрения их интересов и воплощения этих интересов в государственных решениях. Одна из основных задач правительства – это примирение различных интересов, и она разрешается через поочерёдную вовлечённость граждан в процесс принятия решений. В "Государстве" Платона силой, сплачивающей коллектив, являются идеи и вообще вся сфера идеологии. Власть принадлежит тем, кто имеет непосредственный доступ к эйдосам. Всё государство вращается вокруг идей. Напротив, в полирее Аристотеля коллектив сплачивают общие интересы и общее благо всех граждан. Государство Аристотеля построено на более низменном, но более прочном фундаменте.

Аристотель, более чем Платон, интересуется теми институтами, которые смогли бы наиболее эффективно обеспечить движение к общему благу. Стагирит считает, что смешанная кон-

ституция – сочетание монархического, аристократического и демократического начал – должна стать тем инструментом, который позволит осуществить проект государства для среднего класса. Интересно отметить, что аристотелева идея смешанной конституции была воплощена в государственном устройстве Соединённых Штатов Америки. Отцы-основатели заимствовали формулировку и интерпретацию этой идеи у французского политического философа барона де Монтескье. Монархический принцип закреплён в президентской власти, аристократический – в Сенате, демократический – в Палате Представителей.

Интересно отметить, что Аристотель также счёл необходимым отделить философию от политики. Он полагал, что философу нужны совсем другие добродетели, чем политикам, а именно дианоэтические. Для занятий философией нужен досуг, а не министерский портфель. Вполне достаточно, если политики будут прислушиваться к философам, а не полностью им доверяться ("Никомахова этика", 10:7).

Геометризм и биологизм

В этой связи интересно также обратить внимание на различия в самих стилях мышления Платона и Аристотеля, которые нашли отражение и в их политических взглядах. Платон мыслит геометрически и априорно. Все его сочинения наполнены геометрическими примерами и метафорами. Его политический проект изобличает в нём социального геометра. "Государство" Платона во многом напоминает модель небесной механики, где действующие агенты и силы не ведают тяготения, взаимодействия не связаны трением и социальный обмен происходит "бесплатно" и без бюрократических посредников. Платон тщательно вычерчивает в своём "Государстве" возможные траектории социальных движений, треугольную иерархию политической власти, пропорции и формы диспозиции классов, прямые соподчинений и взаимодействий.

В этом геометризме платонизм родственен раннему большевизму с его тягой к строгим математическим и универсальным построениям. Не случайно, симпатизировавшее большевизму

новое советское искусство порывает с пластической традицией во имя новой поэзии линий, треугольников и окружностей. Геометрическая стихия господствует в пропитанном большевистской политикой русском конструктивизме и в мистическом супрематизме.

В противоположность Платону, Аристотель выступает в своей "Политике" как социальный биолог. Его идеи социального устройства основаны не на априорных геометрических соображениях, а на наблюдениях за реально существующими институтами и практиками конкретных сообществ. Его живо интересует история конституций различных греческих городов-государств, органика их жизни. Поэтому его рекомендации не имеют универсального характера и всегда снабжены оговорками как предписания осторожного врача. Телос самих вещей делает вычерчивание траекторий излишним. Аристотель опирается в своих рассуждениях на традицию, этос, здравый смысл, внутреннюю логику самих вещей.

Геометризм Платона и биологизм Аристотеля можно соотнести со специфическими особенностями тех двух категорий, идеи и формы, которые легли в основу их философских систем. Уже сами эти метафизические категории, при всём их сходстве, напитаны противоположными политическими интуициями. Можно сказать, что аристотелевская концепция формы даже вопреки интенциям своего создателя в некоторых важных аспектах предвосхищает теорию "невидимой руки" Адама Смита и идеологию политического либерализма. Концепция формы предполагает способность вещей, людей и систем к самоорганизации. Вещи, движимые изнутри самих себя своей формой, не нуждаются во внешнем насилии для самореализации и развития. В противоположность биологической форме, идея накладывается на материю извне. Эйдос предполагает иерархию, герметрический центр, стягивание вещей вместе, центральное администрирование и планирование. Форма индивидуализирует вещи. Идея собирает разрозненные вещи вместе. Быть может, именно в этом геометрическом стягивании и собирании воедино лежат истоки русской соборности.

Трансценденция Платона и телеология Аристотеля

В этике двух мыслителей мы обнаруживаем сходные расхождения, продиктованные разным толкованием соотношения между материей и духом. Этические идеалы Платона трансцендентны. Высшие моральные идеалы не создаются людьми; они не связаны с традициями и обычаями конкретных обществ. Эти идеалы вневременны и сверхчеловечны. Образец высшей морали представлен философами-царями. У них нет частной собственности и личных интересов; вся их жизнь посвящена служению идеалу; они жертвенны и самоотверженны. Нравственность чужда материальному началу и её наличие прямо пропорционально подавленности чувственных влечений. В законах необходимости не возникает, так как три добродетели, приличествующие каждому из сословий, – мудрость, мужество и воздержанность, – позволяют осуществить все те функции, которые обычно возлагают на юридическую систему.⁷ Русский идеал морали также трансцендентен и также основан на идее жертвенности. Русская мораль, по сути, распространяет мораль платоновских философов-царей на весь народ.

Иначе у Аристотеля. Он полагает, что этика должна строиться не на трансцендентном, а на телеологическом принципе. Нравственность служит цели достижения счастья, эвдемонии, и является его необходимой составляющей. Цель государства как раз и состоит в том, чтобы создать наилучшие условия для реализации того потенциала, которые содержится в человеческой природе.⁸ Чувственное начало не обязательно полностью подавлять, достаточно найти разумную меру участия в чувственных удовольствиях. "По праву гордый" не борется со своими чувствами, он просто знает им место. Чувственные влечения – части нашей

⁷ Диоген смеялся над Платоном: сначала он написал "Государство" и только потом этому государству понадобились законы (название позднего диалога Платона). Действительно "Законы" знаменуют значительный "либеральный" сдвиг в мировоззрении Платона.

⁸ В противоположность этому, цель платоновского государства – вне целей его граждан. По-видимому, оно существует только для того, чтобы поддерживать и воплощать главную добродетель – справедливость.

души. Поэтому полное подавление чувственных влечений также вредно и безнравственно как и бесконтрольное потакание им.

Добродетели также не должны противостоять материальному началу. Более того, определённый уровень материального достатка является даже необходимым условием и для полноценной нравственной жизни, и для счастья. Учение Аристотеля о золотой середине – о том, что добродетель занимает место между двумя крайностями и о том, что человек должен найти свою меру добродетели, которая всегда индивидуальна, – давно вызвало подозрения в буржуазности у исследователей трудов греческого философа. Не случайно также и то, что благоразумие оказывается у него (и у Фомы) не чем-то морально нейтральным, а одной из кардинальных добродетелей. И здесь Аристотель, нравственный герой которого "не холоден и не горяч" (во всяком случае, с точки зрения Русской Идеи), опять противопоставлен своему учителю (и русскому этосу), у которого добродетель – это всегда крайность. Так в этике Стагирит демонстрирует свою мелкобуржуазность – то есть склонность к компромиссам, как и во многих других частях своего учения.

Можно провести некоторые параллели и между концепциями сексуальной морали. В своей лестнице любви в "Пире" Платон показывает, что любовь поднимается от низших физических к высшим и чистым бестелесным формам. По существу, Платон предлагает сублимацию полового эроса в более высокие его проявления. Чувственная любовь в этой системе оправдывается только как ступень развития божественной любви. Здесь Русский Эрос опять солидарен с Платоном и противоположен западному христианству, где божественная и физическая любовь (каритас и эрос) различаются не только количественно как у Платона, но и качественно. По правилам Русского Эроса всякая любовь деградирует, приобретая телесные формы. Василий Розанов обращал внимание в этой связи на особое целомудрие и "бестелесность" русского православия. Русские иконы гораздо целомудреннее католических: здесь, например, невозможно встретить образ кормящей грудью матери.⁹ Вся столбовая доро-

⁹ Розанов В. Церковь (Москва, 1992), с.298-299.

га русского эроса в философии и литературе – от Пушкина и Достоевского до Чайковского и Соловьёва – отмечена присутствием Платона.¹⁰ Народное платоническое сознание, нашедшее своё лучшее воплощение в советском викторианстве, идентифицировало телесную любовь с блудом и противопоставило ей любовь совсем идеальную, платоническую.

Евразийские идеалы Платона

Интересно, что у Платона можно даже найти некоторые евразийские идеи. Так, в "Законах" он пишет, что необходимо строить идеальное государство подальше от моря, дабы избежать разлагающего влияния торговли и коммерческой деятельности в целом на воспитание и нравы граждан. Идеальное государство должно быть континентальным, а не морским. "Близость моря хотя и дарует каждый день усладу, на деле это горчайшее соседство, – увещевает Платон. – Море наполняет страну стремлением нажиться с помощью мелкой и крупной торговли, вселяет в душу лицемерные и лживые привычки. Море делает граждан недоверчивыми и враждебными как друг другу, так и к другим людям". Продолжая эту мысль, он замечает, что в государстве не должно быть больших доходов, "доставляемых путём ремесел и ростовщичества" (Законы, VII, 705a). Короче, в Одессе – столице русских евреев – или в Тель-Авиве, идеально-го государства не построить.

Аристотель, конечно, тоже не был "атлантистом". Он даже сомневался, что коммерческую деятельность можно совместить со статусом гражданина, ибо она, в большинстве случаев, связана с неэквивалентным обменом, то есть несправедливостью. Тем не менее, он был готов на компромисс с ценностями морских цивилизаций из прагматических соображений. "Удобнее для государства получать те необходимые продукты, каких у него нет, а излишек своих продуктов переправлять за границу", – так робко возражает Платону Аристотель, не упоминая, впрочем, нигде

¹⁰ Здесь специально стоит упомянуть работу Владимира Соловьёва "Идея любви", которая оказала значительное влияние на Достоевского, в особенности на "Братьев Карамазовых".

прямо своего всюду незримо присутствующего учителя и оппонента. "Ведь государство должно вести торговлю в своих собственных интересах... Во многих странах и городах существуют порты и гавани, которые прекрасно расположены по отношению к городу ... и не слишком далеко от него отстоят". В этом же отрывке Аристотель настаивает на необходимости для государства иметь сильный морской флот и укреплять могущество на морях ("Политика", книга VII).

Платонизм в русской литературе и политике

В связи с обсуждением политических концепций Платона и Аристотеля любопытно проанализировать манифестации платонизма в советско-русской политике. В советской политике платонизм, очевидно, не имел себе никаких серьёзных альтернатив. В России никогда не существовало серьёзной и массовой оппозиции государственной власти, которая бы исходила из утилитарных неплатонических оснований. Реальными агентами советской политики выступали три течения, которые возрождались в разные исторические периоды под разными именами. Эти движения можно назвать правым, центристским и левым платонизмом. Центристский платонизм был воплощён в самом советском государственном и бюрократическом аппарате. Левый и правый платонизм воплощались в двух ветвях диссидентского движения, утопически-западнической и традиционно-почвенной. Интересно заметить, что диссиденты в большинстве случаев (включая и их западническое крыло) исходили в своей критике существующего строя из совершенно платонических, крайне идеалистических и в ряде случаев вполне антилиберальных, как это не парадоксально, соображений. В противоположность классическому либерализму советское диссидентское движение, по сути, осталось совершенно чуждым экономическим запросам. Во многих аспектах даже идеи Сахарова носили чисто платонический характер.

В качестве одного из примеров гармонического сосуществования официального центристского и правого платонизмов можно привести опыт взаимоотношений между открытым мар-

ксистским платоником Алексеем Лосевым и завуалированными платониками в официальной советской философии. Один из самых видных главнокомандующих советской философии академик Марк Митин благоволил Лосеву и даже представил его в Российскую Академию.¹¹ По-видимому, он ощущал общие платонические основы советского и лосевского мировоззрений.

Попытки возродить чисто платоническую политическую философию были предприняты и в постсоветскую эпоху, когда появилась необходимость в новом фасаде для русской идеи.

Интересно отметить, что в России мир платоновских эйдосов и идеологии воплотился не столько в конвенциональной философии, сколько в Литературе. В конце концов, идеи и идеология, воплощённые в художественном слове, вытеснили и съели саму литературу. Многие платонические идеи воплотились в лучших сочинениях Толстого и Достоевского. Эстафету подхватила ранняя советская литература, особенно романы Николая Островского и Андрея Платонова. Платонизм принимает в некоторых из их сочинений радикальные и почти изуверские гностические тона. Так в романе "Как закалялась сталь" показана непримиримая война с плотью и с телом большевика Павла Корчагина во имя идеи революции.

Платонизм и национал-большевизм

Наиболее законченное современное воплощение некоторые идеи Платона получили в современном национал-большевизме, который пронизан платоновскими идеями консервативной революции. Любопытно сравнить описание архетипического образа русского национал-большевика, в котором в концентрированном виде сосредоточены черты русского национального характера, данное нео-евразийцем Александром Дугиным, который обращается к читателю от лица Русской Идеи, с окончательной характеристикой Платона, которую даёт последний советский неоплатоник Алексей Лосев. С подсказки историка русской культуры Александра Эткинда, Дугин выделяет четыре мотива в

¹¹ См. *Кацис Л.* Лосев, Соловьёв, Максим Горький. Ретроспективный взгляд из 1999 года // Логос, № 4, 1999.

духовном портрете русского национал-большевика: заострённый эротизм, политический экстремизм, национализм и эзотеризм. Он – "национал-революционер, радикал и парадоксалист, художник, политик, заговорщик, мистик и...извращенец...".¹² Теперь приведём завершающую фразу из лосевских "Очерков символизма", которые как бы подводят итог его исследованию: "Апологет монахов и философ полиции, защитник рабства и мистического коммунизма, профессор догматического богословия, гонитель искусств и наук, заклятый враг семьи и брака, душитель любви и женский эмансипатор, мистик-экстатик и блестящий художник, проповедник казармы, аборт и детоубийства, музыкального воспитания души, педераст, моралист, строжайший аскет и диалектик – вот что такое Платон".¹³ Платон удовлетворяет всем критериям русскости, выдвинутым Дугиным: он и политический экстремист анти-либерал, и мистик-эзотерик, и сексуальный извращенец, и парадоксалист. Что же касается национализма, то Платон был черносотенцем хотя бы в том смысле, что ему казалось вредным присутствие чужеземцев и инакомыслящих в государстве. Необходимо препятствовать проникновению в государство первых и преследовать вторых. Не с лосевского ли Платона пишет свой образ истинного русского интеллигента национал-большевика, Дугин? Характеристика греческого мудреца, которую даёт нам Лосев, позволяет распознать в авторе "Государства" родоначальника той линии национал-большевизма, которую Дугин считает коренной русской традицией.

Мне могут возразить, что я отдаю ревнителям Русской Идеи слишком много. Платон заложил сами основы западной цивилизации. На это можно ответить, что, во-первых, не стоит недооценивать саму Русскую Идею. За ней стоит колоссальный исторический опыт традиционной земледельческой культуры, у

¹² Дугин А. L'Age D'Argent ou L'Age Mordore? // Тамплиеры пролетариата (Москва, 1997), с.85, 87.

¹³ Лосев А. Очерки античного символизма и мифологии (Москва, 1993), с.904.

истоков которой стоял Платон. Во-вторых, я отдаю Русской Идее только молодого Платона. Зрелый Платон дрейфовал в сторону Аристотеля. В "Законах" можно различить краткий проспект "Политики" Аристотеля. В поздних диалогах он заговорит о несовершенстве человеческой природы, необходимости законов и участия граждан в управлении, разделит государство на имущественные классы, разуверится в возможности существования правителей, способных прямо схватывать идеи и презирать частный интерес.¹⁴ Платон также отбросит свою изначальную идею о том, что у каждой вещи есть свой небесный прообраз. Он оставит небо только для математических объектов и моральных идеалов.

С другой стороны, мне могут возразить, что Аристотеля нельзя записывать в западники и союзники либерализма. Некоторым философам поправки Аристотеля к Платону кажутся незначительными. Так Поппер, например, вписывает Аристотеля в родословную врагов "открытого общества". Кроме того, он утверждает, что "аристотелевская мысль находится целиком под властью платоновской" и что Аристотель "как то свойственно посредственным писателям" занимается лишь "сухой систематизацией" своего учителя.¹⁵ Действительно, платонические элементы – в том числе и некоторые авторитарные идеи – у Аристотеля вполне можно найти. Тем не менее, нет смысла мерить Аристотеля его ошибками и слабостями. Упрёк же в посредственности можно было бы просто оставить на совести Поппера, если бы он не был так красноречив. Если этот упрек и имеет смысл, то только в том смысле, что идеи Аристотеля не идут так явно вразрез со здравым смыслом, ни с нашим, ни с древнегре-

¹⁴ Во многих очерках истории платонизма "Законы" преподносятся как "старческая" работа Платона, где его ранние тоталитарные идеи доводятся до абсурда. Подобную точку зрения высказывал и Алексей Лосев. Однако некоторые недавние исследования позднего платонизма, и особенно "Законов", показывают, что поправки позднего Платона к политической философии "Государства" были весьма значительными. "Небесная механика" раннего Платона сменяется здесь более реалистическими и более традиционными политическими рецептами. *Seung T. Plato Rediscovered: Human Value and Social Order* (Rowman and Littlefield: Lanham, MD, 1996).

¹⁵ *Popper K. Open Society and Its Enemies*, London, 1959. – P.284

ческим. И если Поппер считает критерием оригинальности философских идей конфликт со здравым смыслом, то Аристотеля действительно можно считать посредственностью и конформистом. Он действительно всегда пытался примирить свои идеалы и идеи с уже существующим и высказанным. И в этом он опять буржуазен. Но если попперовский критерий оригинальности действительно таков, то здесь он солидарен со своими врагами, оракулами и пламенными революционерами, Платоном и Марксом.

Вывод из моей статьи прост. Русская душа – платоничка. Если какие мудрецы и ответственны за русские беды, то это не мифические и полуанонимные Сионские Мудрецы, а мудрецы древнегреческие – прежде всего сам царь древнегреческих мудрецов Платон. Конечно, было бы заблуждением считать, что Россия обязана Платону только своими историческими тупиками и ошибками. Тем не менее, время безальтернативного господства в России "линии Платона" подходит к концу. *Amicus Plato, magis amica veritas*, – как говорили вслед за Аристотелем древние римляне. Платон мне друг, но истина дороже.